

сравнительно скромным положением в церковной иерархии по сравнению с такими могущественными иерархами, как Евсевий, епископ Кесарийский, или Руфин, епископ Аквилейский.

Семья Созомена, по-видимому, имела тесные связи с монашеством Палестины. Это объясняет особое пристрастие Созомена к прославлению подвигов палестинских аскетов. История монашества в восточных провинциях стоит в центре его повествования ¹¹¹.

«Церковная история» Созомена столь же ярко, как и сочинение Сократа, отражает идейную борьбу внутри христианской церкви ¹¹². Большое внимание, как и его предшественник, Созомен уделяет проблеме ересей. Описывая острые теологические споры своего времени, он для уяснения роли ересей прибегает даже к использованию высказываний неортодоксальных писателей. Однако, как и Сократ, Созомен не претендует на серьезное проникновение в сущность догматических споров, считая, что этим должны заниматься теологи, а дело историка «излагать то, что есть, не добавляя от себя ничего» ¹¹³.

Отношение Созомена к христианской империи созвучно идеям Евсевия. Принимая концепцию Евсевия, Созомен признает богоизбранность христианских императоров и восхваляет императора как «подражателя богу» ¹¹⁴.

Сократа, Созомена, а затем и Феодорита Киррского роднит общая идея об особой избранности Восточной империи (Византии). Бог оказывает особое покровительство именно Восточной империи и Константинополю ¹¹⁵. Судьбы древнего Рима и Западной Римской империи волновали этих историков в значительно меньшей степени. Проблема упадка Рима для них не была столь острой, как для их западного современника Августина.

И Сократ, и Созомен полагают, что Рим пал, завоеванный полчищами Алариха, по воле бога. Сократ видит в этом событии подтверждение идеи о суетности и бренности земной власти ¹¹⁶, сверхъестественные силы направляют Алариха на Рим. Рассказ Сократа о падении Рима изобилует неточностями, что свидетельствует о его слабой осведомленности в делах Запада. Вслед за Орозием Созомен утверждает, что Рим пострадал вследствие своей безнравственности ¹¹⁷. Но тот и другой не видели в падении Рима угрозы Восточной империи и христианской церкви, так что эти события их мало волновали. Подобные взгляды восточных церковных историков резко контрастируют с воззрениями на Римскую империю их знаменитого западного собрата Аврелия Августина. Историко-философская концепция Аврелия Августина, безусловно, заслуживает специального изучения, поэтому здесь мы коснемся лишь ее отличия от воззрений восточных историков церкви.

Прежде всего, для Августина совершенно неприемлема самая суть концепции Евсевия и его последователей о богоизбранности христианских императоров и тесной связи христианской империи с божественными силами. Прогресс человечества не может произойти в земной жизни, и человек должен возлагать свои надежды не на «государство земное», а на «Град Божий». Государство, по Августину, — это шайка разбойников. Рим — вертеп, могущество которого покоилось на насилии. Римская империя, покорившая мир, в одном лишь сыграла положительную роль — она подготовила распространение христианства; светское государство должно подчиняться невидимому духовному союзу избранных «Граду Божьему». Церковь, охраняющая основы религии и своими таинствами спасающая людей, стоит выше светского государства, которое должно ей служить ¹¹⁸. Проникнутая мистицизмом и глубоким пессимизмом, историко-философская концепция Августина впоследствии оказала значительное влияние на развитие историко-философской мысли в Западной Европе.

По мере усиления борьбы внутри христианской церкви между защитниками никейского вероучения и представителями различных еретических течений возрастает и полемический пыл ортодоксальных церковных историков. Среди церковных историков наиболее непримиримым борцом за «чистоту веры» против еретиков и всех инакомыслящих был Макарий Феодорит, епископ Киррский (387—457). Сириец по происхождению, видный